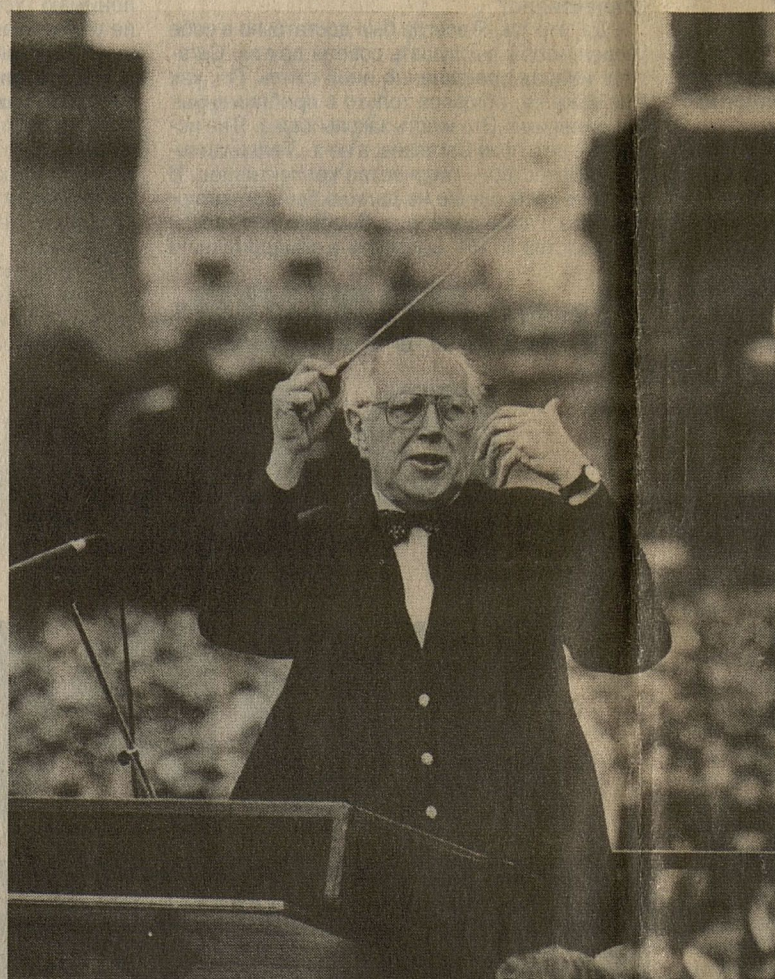

Вет. Москва. — 1997 — 27 марта. — с. 12

ОН ПРИНАДЛЕЖИТ МИРУ, НО ЕГО СЕРДЦЕ — РОССИИ

Маэстро достоин книги Гиннеса по номинации «Необыкновенный человек». Мстислав Леопольдович Ростропович — в ряду самых знаменитых людей нашего времени. Величайший виолончелист, своим искусством вдохновивший крупнейших композиторов XX века создать произведения специально для него, крупнейший дирижер и пианист. Страстный защитник прав человека и духовной свободы. Неутомимый благотворитель и меценат — возглавляемый им и Вишневской Фонд помощи педиатрии в России творит свои негромкие добрые дела и в Оренбургской больнице, и в петербургской Академии педиатрии, а недавно оснастил по последнему слову медицинской науки больницы в Нижнем Новгороде и в его глубинке — Ваче. Каждое его появление в нашем городе сопровождается громадной благотворительной акцией — будь то грандиозный концерт на Красной площади у древних стен Кремля или сбор средств на возрождение храма Христа Спасителя. Ему вручили свои высшие награды правительства свыше 25 стран мира. Его имя включено в число «Сорока бессмертных» — почетных членов Академии искусств Франции. Он получает Premium Imperiale от Японской ассоциации искусств. В США ему вручена высшая американская награда — президентская медаль Свободы. Англия дает орден «Рыцарь Британской империи», который присваивает английским подданным титул сэра. А еще он почетный полковник штата Кентукки, имеет личный день в Вашингтоне, золотые ключи и золотые медали многих городов... Два года назад мы в своей газете попытались опубликовать кое-что из множества званий, титулов, почетных степеней и членств его во всевозможных академиях, которыми мир одалил Ростроповича. Для этого потребовалась площадь, превышающая газетную страницу. Сегодня этой неутомимой, невероятной, великой, достойной быть в книге Гиннеса по номинации «Необыкновенный человек» личности исполняется 70 — и этим событием уже давно озабочена администрация президента Франции. Но даже и там, во дворцах и небоскребах, принадлежа всем миру, он будет сердцем здесь, на Родине, на русской земле, потому что Россия, как он не однажды говорил, — это вся его жизнь.

«КАКИЕ АССОЦИАЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ИМЯ МСТИСЛАВ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ РОСТРОПОВИЧ?» — с таким вопросом обратились мы к тем, кто знает юбиляра

ПРИВЕТ, МАЭСТРО!

ВЛАДИМИР СПИВАКОВ: Еще тогда, когда я был студентом, меня больше всего поража в Ростроповиче даже не недостижимый профессиональный и инструментальный уровень, но прежде всего наглядно демонстрируемая возможность творческой свободы в тех точных пределах, где можно применить идеи свободы.

Человек этот в какой-то степени — олицетворение нашей эпохи. Потому что он сам — эпоха, эволюционная личность. Думаю, что еще долгие-долгие годы его жизнь и деятельность будут находить отклик не только в отдельных человеческих сердцах, но и воздействовать на целые поколения людей.

РУДОЛЬФ БАШАЙ: Он был моим учеником когда-то, и мне очень сложно вам ответить. Мало говорить я не хочу, много говорить у нас нет сейчас возможности. Поэтому давайте лучше не будем...

ЕВГЕНИЙ БАРАНКИН: Композиторский дом в нынешнем Газетном переулке — место и моего жительства, в котором мы с Мстиславом Леопольдовичем совпали в своем соседстве 30 лет назад. А соседом он всегда был замечательно непредсказуемым. Вспоминается знаменитый финальный матч чемпионата мира по футболу в Англии в 1970 году, который мы собирались смотреть по телевизору в квартире композитора Михаила Зива. Сидя почему-то на полу вокруг огромной сковородки с жареной картошкой, мы с Михаилом Павловичем наслаждались не только невероятно темпераментным «болеванием» Славы и его азартными и безумно смешными комментариями, но и мгновенными узнаваниями членов королевской фамилии на почетной трибуне и называнием их уменьшительными именами, звучавшими как бы в русской транскрипции...

В мае 1974 года Мстислав Леопольдович покинул наш дом, и началась драматическая страница его жизни. А спустя три года я попадаю в Вашингтон и, несмотря на строгие запреты общения с опальным музыкантом, первое, что делаю — звоню ему в отель «Уотергейт» и получаю приглашение на очень ранний завтрак. Встреча была невероятно теплой. Гостеприимнейший хозяин заказал на 8-часовой завтрак огромного омара. Поэтому обмен новостями перемежался полуторачасовой борьбой с омаром, победителем из которой, как мне теперь кажется, вышел не я. Потом мы пошли пешком от отеля до Кеннеди-Центра, где у Славы была репетиция. Никогда не забуду, как вышагивал он, держа на поводке свою любимую собаку Пука (помните сорт «пух», сокращенно «пукс», выведенный в романе Войновича об Иване Чонкине? — Ред.), и все проезжающие автомобили, притормаживая, приветствовали его гудками.

И вот настало время прощания. К дебюту Славы с Вашингтонским национальным симфоническим оркестром коллеги-музыканты выпустили майки с

его портретом и словами «Welcome... Привет, маэстро Ростропович!» Я получил этот драгоценный сувенир из рук маэстро (один экземпляр предназначался для его сестры Вероники), но вести в багаже не решился. Поэтому обе майки были надеты под все виды одежды (ощущение было, как в детских книжках о знаменитой полке) и в таком виде были благополучно привезены в Москву. И если я когда-нибудь буду приглашен на официальные посвященные Ростроповичу торжества с указанием прибыть в смокинге, я все равно надену эту дорожную мне фиолетовую майку со словами, которые всегда хочется сказать этому легендарному человеку: «Привет, маэстро Ростропович!»

Владимир ВОЙНОВИЧ: Ассоциации при имени Мстислава Ростроповича возникают самые банальные, связанные с фонтаном, водопадом, камнепадом, извержением чего-то стихийно-огромного. О Ростроповиче-музыканте

М. Ростропович и Г. Вишневская в вочине Б. Немцова

те я говорить не буду. К тому, что о нем сказано, мне, дилетанту, добавить нечего. Скажу о другом. Впервые я встретил его в Париже. То есть он меня встретил, а я пришел к нему в гости. Переступив порог, я сказал: «Здравствуй, Мстислав Леопольдович». Он сказал: «Здравствуй, давайте перейдем на «ты» и зови меня Слава». Мы сели за стол, и через пять минут у меня было такое ощущение, что мы знакомы и дружим со лет.

С тех пор мы встречались время от времени в самых разных географических точках. Мне повезло встретить в жизни многих людей талантливых, выдающихся. И среди них Ростропович выделяется невообразимым набором потрясающих человеческих качеств. Он в один день завтракает в Москве, обедает в Париже и вечером дает концерт в Вашингтоне. После концерта к нему в примерную вваливается, вламывается толпа народу. Он одновременно принимает поздравления, меняет потную рубашку на свежую, но еще не попав в рукав, тычет пальцами в стоящий тут же рояль, объясняя кому-то, что это играть надо не так. В это время трещит телефон. Звонит жена Галия из Парижа, король Хуан из Мадрида (для Ростроповича он Хуанчик) и какие-то неизвестные люди неизвестно откуда, и он всем успевает что-то сказать и одновременно принимает новых посетителей, и тут следует объятия, поцелуи и восклицания вроде: «Как я счастлив тебя видеть». И, по-моему, он говорит это совершенно искренне. Как искренне превозносит: «Знакомьтесь, говорит, это мой друг, он — самый гениальный художник». А потом выясняется, что другой тоже самый гениальный художник. И третий тоже самый-самый. И это не от неразборчивости, а от искреннего желания, чтобы все его знакомые были его друзьями, а все друзья — гениями.

РОСТРОПОВИЧ ВОЗРОЖДАЕТ ТРАДИЦИЮ

Мстислав Леопольдович — потрясающий рассказчик. И если бы он кинул клич, наверняка нашелся бы не один десяток желающих подставить диктофон и сделать литературную запись этих интереснейших историй. Но не у всякого достанет сил и возможностей следовать за источником повествования, ведь Мстислав Леопольдович ведет весьма подвижный образ жизни, концертируя по всему миру и нигде подолгу не задерживаясь. Вероятно, поэтому книга Ростроповича до сих пор не увидела свет. Но она обязательно должна появиться. Пока же предлагаю одно из воспоминаний Мстислава Леопольдовича, записанное со слов маэстро и озаглавленное им как

ИСТОРИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОНЦЕРТОВ НА ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Когда я лишился гражданства и знал уже, что помереть должен на Западе, начал создавать свои квартиры, которые называл «русские острова». Для одного из таких «островов» предложили мне купить рисунок Александра Сергеевича Пушкина, известный именно как пушкинский потому, что присутствовал на Пушкинской выставке в Париже и был воспроизведен во многих каталогах. На нем изображен дворник с метлой. Я взял рисунок и прежде, чем заплатить за него деньги, привез и показал в Москве. Из музея Пушкина направили меня в Петербург, в Пушкинский Дом. Это — институт, где хранятся все автографы Пушкина и не только его. Меня там очень тепло встретили, попросили несколько дней на серьезное заключение. А когда я поинтересовался, как им живется, узнал, что очень плохо живется. Денег нет даже на то, чтобы делать фотографии рукописей. Вот, говорят они, раньше была такая традиция: давать концерты на Пушкинский Дом. Я спрашиваю: кто ж давал? Шалалин, отвечают, и другие. Когда это было? Да при царе еще, задолго до революции. Вы можете, говорю, дать мне записочку с историей этого дела? С удовольствием, говорят, подготовим памятную записку.

Как раз тогда в Петербург должен был приехать принц Чарльз, мой друг. Он когда-то начинал заниматься на виолончели. Об этом мне рассказывал Бенджамин Бриттен, когда я еще не был знаком с Чарльзом. А когда мы познакомились, стали с ним действительно друзьями. Так вот, написал я ему письмо, что счастлив, что он принимает участие в этом благородном деле, и чтобы он не забыл, что я первый подписчик на тетради, изданные в Лондоне, и оставил письмо в Пушкинском Доме. А некоторое время спустя я действительно получаю от них такую памятную записку, в которой было сказано, что последний концерт на Пушкинский Дом состоялся в 1908 году. А начались эти благотворительные мероприятия по указу Александра II. Не Ленина или Сталина, а Александра II. И когда я это увидел, я сразу решил, что буду делать концерт 10 февраля, поскольку в указе именно день смерти Пушкина был назван ориентиром благотворительности для всех учреждений культуры. И тогда я пришел к Собчаку и говорю: хочу 10 февраля дать такой концерт. И объяснил почему. Он взялся за это и организовал все, что мог. И вот 10 февраля я дал концерт в Большом зале Петербургской филармонии с подзаголовком «На Пушкинский Дом. Первый концерт с 1908 года». Надеюсь, что этот день будет общенациональным, когда все будут выступать в пользу института.

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Оренбург для семьи Ростроповичей — город корневой. Здесь родилась Вера Николаевна Федотова — мать Мстислава Леопольдовича, пианистка, воспитанница Московской консерватории по классу великого К. Н. Игумнова (род Федотовых насчитывал несколько поколений музыкантов). Здесь в марте 1922 года всемирно известный музыкант Леопольд Витольдович Ростропович «желал отпраздновать 15-летний юбилей своей музыкальной деятельности», сообщила местная пресса и приводила такие сведения о музыкальной династии Ростроповичей:

«СКРИПКИНА МАТЬ» ОТЦА И СЫНА

По происхождению господин Ростропович поляк, уроженец Варшавы. Имея отцом известного педагога-пианиста Ростроповича, он получил от него первые уроки. В 1909 году окончил с золотой медалью Петроградскую консерваторию и был командирован в Париж, где также окончил консерваторию, получив Гран-при и звание виолончелиста Европы. За свой педагогический труд он получил звание магистра музыки. По окончании Парижской консерватории он долго концертировал совместно с целым рядом знаменитостей, как, например, с Шалалиным, Собиновым, Батистини, Жаком Тибом. Вернувшись в 1913 году в Россию, он занимал место профессора сначала в Саратовской, затем в Петроградской консерватории... В день своего юбилея профессор Ростропович выступает не только как виолончелист и пианист, но и как композитор. Первое отделение концерта состоит исключительно из его произведений, некоторые из которых написаны в Оренбурге.

Концерт выдающегося музыканта прошел замечательно, и газеты отмечали, что «с большим вниманием, с истинным наслаждением был прослушан публикой серьезный стильный концерт, который явился давно желанным оазисом в том море бездарной пошлости, на которой спекулируют всевозможные «кабарных дел мастера»!

О другом «шефском» концерте оренбургская газета «Завод и пашня» поведала историю, прямо скажем, фантастическую.

«До того он давал концерты в больших городах Европы, начиная с Парижа и кончая Петроградом и Москвой. А потом судьба закинула его в наш захолустный городок... Он прекрасно играл на рояле, но еще лучше на виолончели. Слава о его таланте, быстро наполнившая город, докатилась и до окрестных поселков. Представитель одного из сел приехал просить музыканта выступить у них. Леопольд Витольдович сомневался, есть ли в селе рояль, но его убедил, что «инструментина в первый сорт». Профессор дал согласие и, прихватив с собой виолончель, приехал в село. Рояля, разумеется, в деревне не существовало, но наличествовала пострадавшая от времени фисгармония. Сельские жители очень просили «употребить ее под рояль».

Профессор начал концерт без аккомпанемента, присматривая на публику. «С сохой иди и то легче» — читалось на лицах загорелых слушателей.

— Не иначе что-то божественное он напикает, едрена корырялка!

Профессор, видя эти «восторги», поспешил закончить концерт и хотел ехать домой. Но:

— Ты куда же, Христова душа, лжи-то навостришь? Поиграй еще...

— Нам бы под танец, — обступила молодежь.

— Я танцев не играю... Да и рояля у вас нет.

— Как нет? Да вон на этой диковине-то, — указали ему на фисгармонию.

— Да не годится она, — засмеялся профессор, — она для духовных вещей только.

— Ну, божественным-то ты нас довольно напигивал! — возразило несколько голосов. — Ты нам под танец.

Профессор не знал, что делать. Ему не хотелось обидеть мужиков, но в то же время он не мог

при всем таланте извлекать звуки из корыта. Тут вышел один бородач:

— Паштенный, — заявил он, — плюнь ты на эту машину, ваяя нам на своей скрипкой-то матери!

И он ткнул пальцем в виолончель.

Профессор от души расхохотался. Ему так понравилось это наивное, но оригинальное определение, что он сыграл степнякам несколько танцев на своем инструменте, а молодежь, довольная музыкантом, весело отплясывала, громко стуча сапогами.

Провожали маэстро с большой благодарностью и даже простили все прелюдии и сонаты. С тех пор профессор в шутку называет свой инструмент «скрипкиной матерью».

С Оренбургом связаны и военные годы семьи Ростроповичей. Здесь Слава Ростропович продолжал свое музыкальное образование, занимаясь в классе отца. Пресса сохраняла и отзывы на первые композиторские опыты Славы: «Об общем высоком уровне советской музыкальной культуры можно судить по выступлениям молодых советских композиторов, в том числе 14-летнего Славы Ростроповича. Он сыграл свою поэму для виолончели, прелюдию для фортепиано. Первая часть его виолончельного концерта была сыграна заслуженным артистом РСФСР профессором Л. Ростроповичем с фортепианным сопровождением автора. Произведения Славы Ростроповича свидетельствуют о большом мелодическом даровании, тонком гармоническом чутье и высоком музыкальном вкусе».

В Оренбурге семью постигло несчастье — скончался Л. В. Ростропович, и его педагогическое место в музыкальном училище занял... 15-летний Слава. Материальные невзгоды семьи заставляли юного музыканта трудиться непомерно: единственный мужчина в доме, он не только много преподавал, концертировал. Своими одареннейшими руками делал копилки и по воскресеньям приторговывал ими на рынке. И вот 10 августа 1942 года из Оренбурга (тогда г. Чкалова) ушло такое письмо в Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров: «В городе Чкалове проживает семья Л. В. Ростроповича, который скоропостижно скончался несколько дней тому назад. Семья покойного без всяких средств существования. Дети Л. В. Ростроповича — скрипка Вероника и виолончелист Слава 15 лет, были известны еще во время своего пребывания в Москве, выступали в разных ответственных концертах, а Слава — даже в Кремле. О дальнейшей судьбе Славы Ростроповича следует позаботиться сейчас. Он исключительно одаренный виолончелист и композитор. Мы сами не имеем возможности материально обеспечить Славу и просим назначить ему ежемесячную стипендию, каковую персонально получают ряд юных дарований. Слава этого вполне заслуживает».

Положительный ответ пришел из Москвы незамедлительно (и это в суровые военные годы!). По решению Комитета по делам искусств с 1 января 1943 года «Славе Ростроповичу в качестве пособия будет переводиться из Московского государственного консерватории по 250 рублей ежемесячно».

Елена ДОЛИНСКАЯ,
Борис ХАВОРИН

Подборку подготовила Елена ЛИТОВЧЕНКО
Фото Виктора АХЛОМОВА и Геннадия АНДРЕЕВА